

П Р А В О

УДК 342.914

DOI 10.52452/19931778_2023_6_38

ГУМАННОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ

© 2023 г.

П.А. Астафичев

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, Санкт-Петербург

pavel-astafichev@rambler.ru

Поступила в редакцию 25.10.2023

Рассматриваются актуальные проблемы обеспечения гуманности правоохранительной системы и гуманистической направленности ее деятельности. Автор обосновывает точку зрения, что уголовное законодательство должно быть конституционным, причем его конституционность не является очевидной, позитивное уголовно-правовое регулирование нуждается в конституционализации. Практика Конституционного Суда РФ демонстрирует фрагментарную законодательную дефектность и, следовательно, конституционную противоправность уголовно-правового регулирования отдельных общественных отношений, а также складывающейся на основе этого правоприменительной практики. При этом степень латентности подобного рода конституционно-правовых деликтов пока еще до конца не оценена и нуждается как минимум в тщательном научном анализе и широком, гласном, публичном и критически ориентированном общественном обсуждении.

Ключевые слова: гуманность, гуманизм, конституционализм, конституционность, смертная казнь, уголовное наказание, соразмерность, справедливость.

Гуманность и гуманизм – государственно-правовые [1, с. 20] и духовно-нравственные ценности [2, с. 77], которые в значительной степени признаны современным российским государством и обществом [3, с. 64]. Об этом свидетельствует, прежде всего, анализ действующих нормативных правовых актов: Конституция РФ признает человека высшей ценностью (ст. 2) и категорически запрещает жестокое обращение и наказание (ст. 21); принцип гуманизма нормативно обеспечивается положениями ст. 7 Уголовного кодекса РФ, ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, ст. 5 Федерального закона «О федеральной службе безопасности», ст. 35.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ст. 4 Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», ст. 3 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», ст. 2 Федерального закона «О порядке отбывания административного ареста», ст. 3 Федерального закона «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» и др.; принцип гуманности – предписаниями ст. 137

и ст. 1349 Гражданского кодекса РФ, ст. 7 Жилищного кодекса РФ, ст. 5 Семейного кодекса РФ, ст. 14 Основ законодательства о нотариате и т. п. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в числе прочего устанавливается в качестве приоритетной цели государственной политики обеспечение «гуманизма», «милосердия», «взаимопомощи» и «взаимного уважения».

В научно-исследовательской литературе вряд ли кто-либо «решится» напрямую отстаивать антигуманистические ценности. Если кто-то из авторов и предлагает нечто в направлении «ужесточения» [4, с. 17] государственно-правового вмешательства в жизнедеятельность гражданского общества (жестокость – конституционно противоправное явление, ст. 21 Конституции РФ), то, как правило, сопровождает это оговорками о необходимости при этом защиты достоинства личности, конституционных прав и свобод человека и гражданина [5, с. 53], гуманистической обусловленности принужде-

ния и ответственности [6, с. 118]. Можно без преувеличения сказать, что гуманизм в современной России позиционируется как некий *априорный первопринцип*, в то время как антигуманизм – *malum in se*, т. е. «зло само по себе». Гуманизация – явление, в сущности, позитивное и весьма перспективное. *Государственно-правовая система должна официально объявлять себя гуманной и фактически стремиться к этому.*

Если рассматривать феномен гуманизма в историко-правовой ретроспективе, то следует подчеркнуть, что «классический» гуманизм зародился в западноевропейских странах и ряде других христианских государств как явление ренессансное, сопровождающее процессы секуляризации и связанное с возрождением античной культуры без отрицания роли христианской церкви в жизнедеятельности социума как его духовно-нравственной основы. Исследователи и публицисты, в отличие от средневековой схоластики, обращали больше внимания на человеческие потребности и интересы, отношение человека к себе, его личную безопасность и стремление к счастью. Именно в период Ренессанса наблюдалось формирование гуманистической жизненной позиции, актуализация проблем страдания, болезни, старения и смерти. Человек не должен приноситься в жертву, поскольку его жизнь – важная ценность сама по себе. Социально-философская мысль стремилась к тому, чтобы поставить надежный нравственный барьер человеконенавистничеству. В связи с этим П.С. Ревко-Линардато верно замечает, что источником «классического» гуманизма явилась «античная философия с ее идеалом целостного и завершенного человека» [7, с. 26].

После появления в государственно-правовой мысли тезиса о «гуманизме» стала складываться альтернативная проблема «антропоцентризма» [8, с. 44]. Н.С. Шиловская справедливо говорит о том, что «гуманизм всегда (что неизбежно) граничит с антропоцентризмом». Общее в этих явлениях – обращенность к человеку. Однако гуманизм, в отличие от антропоцентризма, предполагает «человечность в отношении к другому», в то время как антропоцентризм означает позицию каждого индивидуального человека в качестве некоего «центра», по отношению к которому весь окружающий мир якобы представляет своего рода «периферию» [9, с. 11]. Критики конституционного принципа «высшей» ценности человека, так или иначе, вынуждены оппонировать отечественному конституционализму (в его нормативной форме образца 1993 года) с антропоцентрических позиций, однако более внимательное изучение конституционного текста приводит к противо-

положным выводам. Конституция РФ явно и недвусмысленно утверждает о гуманизме в отношениях между людьми, о гуманности общественных отношений. Так, в преамбуле к Основному закону мы видим тезис о «вере в добро» (которую нам «передали предки»), в ст. 7 – о достойной жизни и свободном развитии человека, в ст. 21 – об охране государством достоинства личности («ничто не может быть основанием для умаления достоинства»), в ст. 50 – о праве осужденного просить о помиловании или смягчении наказания, в ч. 2 ст. 63 – о праве на защиту от преследования за политические убеждения, в ст. 75.1 (редакция конституционных поправок от 2020 года) – о надлежащих условиях для повышения благосостояния граждан и гарантиях защиты достоинства личности [10, с. 2114].

Понятие «гуманизм», таким образом, представляет собой явление чуждое антропоцентризму и предполагает прежде всего человеческие, достойные, уважительные *отношения между людьми* [11, с. 30]. Здесь зачастую довольно сложно разграничить социально-философские, духовно-нравственные и правовые аспекты проблемы, причем юридическая составляющая также дифференцируется, если учитывать историко-правовой или современный ракурсы, естественно-правовой подход или позитивные установления законодателя, складывающуюся на их основе правоприменительную практику. В связи с этим М.А. Мусаев верно формулирует проблему «правового гуманизма» или «гуманизма в праве».

Несмотря на спорный тезис М.А. Мусаева о том, что «правовой гуманизм» якобы «институционализируется в более широком контексте, чем принцип гуманизма» (полагаем, что правовой гуманизм, напротив, более узкая категория) [12, с. 28], цитируемый автор предлагает весьма заслуживающие внимания критерии для обособления теоретико-методологической конструкции «правовой гуманизм». С этим солидаризируются Н.А. Суталинова и Б.Т. Токтобаев, по мнению которых исторически понятие «гуманизм» развивается в большей степени «как категория этическая»; данные исследователи считают, что анализируемая категория формировалась и как понятие «мировоззренческое», и «выражение определенного миропонимания», что не исключает их правового содержания [13, с. 137].

Анализ имеющейся литературы показывает, что отношение мыслителей к проблеме правового гуманизма выглядит довольно неоднозначным. Есть группа ученых, которая близка к анархической или нигилистической позициям, по мнению которых сами по себе государство и

право – явления антигуманные. Гуманизм понимается ими как освобождение «человеколюбивого» гражданского общества от «человеконенавистнической» государственно-правовой системы. Во многом такие мнения присущи просвещенной русской дореволюционной политико-правовой мысли, включая великие и почитаемые сегодня имена А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, П.Я. Чаадаева, А.Н. Радищева [14, с. 20].

Другая группа исследователей, напротив, полагает государственно-правовую систему своего рода гарантом гуманизма в обществе [15, с. 132], хотя и не отрицает, что гуманизм во многом формируется и действует вне государственно-правового влияния, а отдельные отрицательные государственно-правовые явления свидетельствуют об эпизодическом отступлении эмпирического государства и конкретной юридической системы от принципа гуманизма. Основоположителем данного направления следует признать Томаса Гоббса, который сформулировал тезис «*bellum omnium contra omnes*» («война всех против всех») [16, с. 49]. Вслед за данным мыслителем в течение столетий формировалась устойчивая государственно-правовая концепция *гуманистической направленности в государстве и праве*, что было активно поддержано и обосновано в том числе выдающимися представителями отечественной государственно-правовой науки.

Так, И.А. Ильин писал: «Каждому полноному гражданину, предоставляющему ему личную свободу, соответствует обязанность и запретность, лежащие на государственной власти и ее органах». Граждане имеют права и свободы (в их числе И.А. Ильин указывает свободу передвижения и выбора местожительства, свободу выбора профессии и промысла, неприкосновенность частного жилища, тайну частной корреспонденции, свободу совести, свободу слова и печати, свободу собраний, свободу союзов), «которые государственная власть обязана хранить и защищать, которых она не смеет нарушать, но которые может ограничивать справедливым законом» [17, с. 131–132]. По мнению Ф.Ф. Кокошкина, «государство как принудительная организация общественных сил может с успехом воздействовать в заранее намеченном смысле только на внешние, материальные условия человеческого существования и на внешнее поведение людей». Но «внутренняя, духовная сторона человеческой жизни остается недоступной для непосредственного планомерного воздействия государственной власти». Поэтому «в тех областях культуры, где эта сторона стоит

на первом плане», государство «может лишь дополнять индивидуальную и общественную деятельность, создавая для нее внешние благоприятные условия» [18, с. 91].

А.Д. Градовский утверждал, что «каждое лицо должно пользоваться всеми правами, приобретенными им по закону, до тех пор, пока не совершит проступка, нарушающего существенные условия общежития». Исследователь подчеркивал, что «суд есть единственное компетентное место для рассмотрения всех действий, заключающих в себе признаки преступления», причем «суд в своих действиях должен быть связан известными формами, ограждающими личность подозреваемого в преступлении от произвола судебной власти» [19, с. 321–325]. Согласно воззрениям Б.Н. Чичерина, «гражданин имеет права и обязанности, как лицо свободное, ибо только свободному лицу присваиваются права и обязанности. Свобода есть основное начало в понятии о гражданине. Государство создается из свободных лиц для общего блага, а не из рабов для пользы господина» [20, с. 34]. Своего рода квинтэссенцией в данном направлении дореволюционной русской государственно-правовой мысли можно считать утверждение С.А. Котляревского о «великой и ответственной задаче» – «привить к мощному многовековому стволу русской исторической государственности драгоценные плоды политического и культурного опыта западноевропейских общежитий» [21, с. 340].

Приведенные суждения русских классиков государственно-правовой мысли свидетельствуют, что к началу XX века в России сложилась *крупная гуманистическая государственно-правовая школа*, которая в университетской среде и в интеллектуальном взаимодействии с широкой общественностью утверждала принципы добра, справедливости, равенства, милосердия, сострадания, человеколюбия на основе баланса принципов патриотизма и разумного учета опыта зарубежных стран. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, дают *историко-правовые основания для признания в наши дни гуманизма в качестве традиционной российской духовно-нравственной ценности*, которая имеет определяющее значение не только для жизнедеятельности гражданского общества, но и функционирования государственно-правовой системы.

Правовой гуманизм в современных российских государственно-правовых реалиях представляет *генеральный конституционный императив*, который в силу принципа верховенства Конституции РФ предполагает как минимум соблюдение следующих важных условий: во-первых, *гуманности правоохранительной си-*

стемы и гуманистической направленности ее деятельности, во-вторых, социально-экономического гуманизма, т. е. *эффективного государственного правового обеспечения достойного уровня жизни граждан*. Данная теоретико-методологическая конструкция, конечно, не ставит под сомнение общую связанность гуманизма с конституционными институтами достоинства личности, прав и свобод человека и гражданина. Г.А. Василевич, безусловно, прав в утверждении, что «главный критерий гуманизма – достоинство личности» [22, с. 138]. Однако исходя из реалий функционирования современного государства и права имеются основания предполагать, что выявленные нами направления *гуманизации государственной правовой системы* являются наиболее *приоритетными и актуальными*.

Правоохранительная система должна быть *гуманной*. Анализ действующего российского законодательства показывает, что для этого в целом созданы достаточные *нормативные условия и гарантии*. В соответствии с ч. 2 ст. 7 Уголовного кодекса РФ целью уголовного наказания не может служить причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Меры юридической ответственности должны быть законными, обоснованными, справедливыми, соразмерными тяжести содеянного, личности виновного и другим юридически значимым обстоятельствам. Согласно известному римскому принципу «ubi emolumentum, ibi onus» (взаимообусловленность прав и обязанностей), правоохранительная система связана правом, несет соответствующие публично-правовые обязанности и должна гуманно обращаться с гражданами, поскольку она наделена исключительной прерогативой государственного принуждения и привлечения виновных лиц к соразмерной юридической ответственности. В значительной степени принцип гуманизма в данном аспекте выражен в ст. 40.4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому при принесении присяги прокурор, в числе прочего, обязывается «соблюдать объективность и справедливость *при решении судебных людей*».

Важным показателем гуманности правоохранительной системы является отношение в государстве и обществе к вопросу о *смертной казни*. В современной России данная проблематика актуализировалась в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» [23, с. 280]. В новейшей истории страны мораторий на смертную казнь и ограничение ее фактического

применения в значительной степени связывались с международно-правовыми обязательствами страны [24, с. 135]. С 28 февраля 1996 г. по 16 марта 2022 г. Россия была членом Совета Европы, ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Федеральный закон от 30 марта 1998 г.), подписала к нему протокол № 6 (об отмене смертной казни в мирное время), но не ратифицировала его. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», даже исходя из его наименования, мотивировался скорее международно-правовыми, чем национально-гуманистическими соображениями [25, с. 96]. В связи с принципиальными разногласиями между главой государства и парламентом по вопросу о допустимости применения в стране высшей меры наказания в стране сложилась длящаяся правовая ситуация, при которой международно-правовое обязательство *принято* в форме подписания, но *окончательно не реализовано* вследствие отсутствия акта о ратификации.

При таких обстоятельствах, по логике, подлежала применению ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой правило «*pacta sunt servanda*» подлежит применению, пока не будет явного намерения России отказаться от участия в этом международном договоре. Однако в действительности имела место существенная правовая неопределенность [26, с. 112]. Основную историко-правовую роль в ее разрешении сыграл Конституционный Суд РФ, причем дважды: в 1999 году в форме постановления (№ 3-П) и в 2009 году посредством вынесения определения (№ 1344-О).

Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ мотивировал решение о моратории на смертную казнь не столько международно-правовыми, сколько гуманистическими обстоятельствами [27, с. 114]. При принятии Постановления № 3-П от 1999 г. ключевым основанием послужил факт отсутствия во всех субъектах РФ судов с участием присяжных заседателей; при мотивировке Определения № 1344-О – «длительность моратория», «устойчивость гарантий», «необратимость процесса», и лишь затем – «международно-правовые тенденции» и «международно-правовые обязательства России» [28, с. 455]. При этом в Уголовном кодексе РФ до сих пор имеется пять составов преступлений (ст. 105, 277, 295, 317, 357), наказанием за которые может быть применение смертной казни (убийство с отягчающими обстоятельствами, геноцид, различные формы посягательств на жизнь отдельных категорий субъектов – государственных и общественных деятелей).

лей; лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование; сотрудников правоохранительных органов).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 184–196) со всеми подробностями описывает процедуру применения смертной казни, включая не только обязательность решения Президента РФ (по ходатайству осужденного о помиловании либо по результатам проверки и заключений Верховного Суда РФ и Генерального прокурора РФ при отсутствии такого ходатайства), но также форму (непубличный расстрел), присутствие врача и прокурора, протоколирование факта наступления смерти и правила захоронения (без выдачи тела родственникам или близким). Парламент не выражает воли к отмене данных нормативных правовых предписаний; программы ряда политических партий, которые представлены в Государственной Думе как фракции, содержат положение о необходимости возобновления в России института высшей меры наказания. Подчеркнем при этом, что последний смертный приговор был вынесен в стране в 1996 году в отношении серийного убийцы С.А. Головкина. С тех пор прошло 27 лет [29, с. 174].

Полагаем, что если современная правоохранительная система позиционирует себя в качестве гуманной, она с *явной однозначностью, раз и навсегда должна отказаться от института смертной казни в мирное время как варварского института, чуждого русской культуре и опыту большинства цивилизованных стран.* Согласно позиции Русской православной церкви, выраженной в Основах ее социальной концепции, «наказание смертью не может иметь должного воспитательного значения, делает неправомерной судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе»; «милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести» [30, с. 96]. Однако насколько «традиционной» является духовно-нравственная ценность неприемлемости института высшей меры наказания? Не является ли это только явлением новейшего времени, если под ним подразумевать постсоветский период государственно-правовой истории?

Если брать за основу правление Ивана IV или Петра I, высшая мера наказания будет выглядеть едва ли не как основная форма царско-деспотической репрессии. Указанные монархи, несмотря на их различную историческую роль в судьбах России, имели общую черту в склонности к казням, причем именно на периоды их правления приходится своего рода историко-правовой максимум. Но и при царствовании других монархов в Российской империи применялись телесные наказания, клеймение, выры-

вание ноздрей. Бунтовщик Емельян Пугачев, например, был четвертован [31, с. 60]. Не остается в стороне печальная и, по сути, постыдная картина сталинского режима: только в период «большого террора» 1937–1938 гг. в стране было вынесено более 600 тыс. смертных приговоров. В периоды с 1935 по 1947 г., с 1950 по 1959 г. законодательство страны допускало казнь несовершеннолетних. В целом же уголовно-правовая политика в отношении смертной казни, начиная с февральской революции 1917 г., носила «маятниковый» характер, демонстрируя паттерны отмены (фактически – приостановления) и возобновления высшей меры уголовного наказания.

Так, Второй Всероссийский съезд Советов 28 октября 1917 г. отменил смертную казнь, но Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» высшая мера наказания была возобновлена. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. смертная казнь снова отменяется, но возобновляется Приказом Революционного военного совета от 4 мая 1920 г. «О революционных военных трибуналах» (расстрел без обжалования, помилования и немедленно). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в мирное время отменяется, но Указом того же органа от 12 января 1950 г., «по просьбам трудящихся» и с ретроактивным применением уголовного закона, высшая мера наказания предусматривается вновь (за измену Родине, шпионаж и диверсию). Примечательны указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. (смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах), от 15 февраля 1962 г. (высшая мера наказания за изнасилование) [32, с. 259]; от 20 февраля 1962 г. (смертная казнь за взяточничество) [33, с. 43] и др.

При подобных примерах наши современники, поистине, должны радоваться, какой уровень гуманизма правоохранительной системы достигнут в настоящее время. Сказанное, однако, не дает оснований к *идеализации правоохранительной системы* современной России. Правоохранительная деятельность – не тот объект, который может достигнуть заранее предустановленного уровня совершенства, чтобы избежать какой-либо критики. Имеющаяся правоохранительная система в историко-правовом смысле действительно достаточно гуманна, но она имеет проблемы и недостатки, которые должны обсуждаться в юридической науке и обществе.

Автор уже высказывался в научной литературе по вопросу о необходимости дальнейшей «конституционализации» уголовного законода-

тельства [34, с. 10–17]. В современной России наблюдается чрезмерная «жесткость» или завышенная «строгость» в уголовно-правовом регулировании. Многие деяния, которые по своей природе противоправны, нуждаются в соразмерном смягчении санкций и, возможно, декриминализации. В их числе, например, преступления с административной преюдицией. Так, уголовный законодатель считает преступной неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (это относительно «молодой» состав преступления, он введен Федеральным законом от 21 июля 2011 г.). Вне сомнения, указанное деяние противоправно и законодатель правомерно добивается цели исключения или минимизации розничной продажи алкоголя несовершеннолетним. Однако не следует ли считать чрезмерно строгим наказанием привлечение виновного лица к уголовной ответственности за одну лишь повторность административного правонарушения, совершенного в состоянии «административной наказанности», т.е. в течение одного года с момента совершения первого (пока еще административного) правонарушения?

Представим гипотетически обычного продавца продовольственного магазина, который дважды в течение одного года (при ежедневном активном потоке покупателей алкогольной продукции), например, неверно оценил по внешности покупателя его возраст или ошибся в подсчете возраста при визуальном осмотре паспорта. Это, конечно, «противоправный» проступок (хотя вряд ли в массовом масштабе найдутся продавцы, которые осуществляли бы розничный сбыт алкоголя явно несовершеннолетним; речь обычно идет о пограничных возрастных ситуациях, вследствие чего общественная опасность инкриминируемых деяний значительно снижается). Конституционный Суд РФ, как известно, дал позитивную оценку подобной методологии законодательного регулирования в целом (Постановление № 2-П от 1 февраля 2017 года), полагая допустимыми преступления с административной преюдицией сами по себе. Но это не исключает, на наш взгляд, добровольного смягчения уголовно-правовой политики федеральными органами законодательной власти, что является конституционно желательным, хотя и юридически не обязательным действием с точки зрения сложившейся практики отправления в стране конституционного правосудия.

В связи с этим можно сделать вывод, что действующее уголовно-правовое регулирование нуждается в общественной экспертизе, публичном обсуждении и открытой для общества частичной ревизии, целями которых было бы из-

бавление данного документа от избыточности, декриминализация спорных с научной и общественной точек зрения деяний, смягчение ряда наказаний на основе конституционных принципов соразмерности и справедливости. Полагаем, что Россия способна справиться с проблемой конституционализации уголовно-правового регулирования, опираясь на здоровые силы гражданского общества и весьма развитый в институциональном отношении инструментарий отечественной конституционной науки. Это будет соответствовать цели реализации в государственной политике традиционных духовно-нравственных ценностей гуманности и гуманизма.

Уголовная ответственность представляет собой важный и перманентно актуальный инструмент политики государства. Объясняется это суровостью уголовно-правовой санкции и значительностью негативных последствий (правовых и нравственных), которые неизбежно должен претерпевать правонарушитель вследствие вынесения в отношении него обвинительного приговора и приведения такого судебного акта в исполнение. Репутационные издержки привлечения граждан к уголовной ответственности наблюдаются в силу позитивной направленности морали современного общества, однако это не всегда адекватно дифференцируется в зависимости от таких важных в юридическом смысле обстоятельств, как характер преступления, тяжесть содеянного, степень вины правонарушителя, характеристика его личности, поведение виновного лица и др.

Демократический правопорядок требует, чтобы уголовное законодательство было конституционным, причем конституционность данного законодательства не является очевидной [35, с. 47]. Позитивное уголовно-правовое регулирование нуждается в конституционализации [36, с. 29]. Практика Конституционного Суда РФ демонстрирует фрагментарную законодательную дефектность и, следовательно, конституционную противоправность уголовно-правового регулирования отдельных общественных отношений, а также складывающейся на основе этого правоприменительной практики. При этом степень латентности подобного рода конституционно-правовых деликтов [37, с. 9] пока еще до конца не оценена и нуждается как минимум в тщательном научном анализе и широко, гласном, публичном и критически ориентированном общественном обсуждении.

Список литературы

1. Ромашов Р.А. Эффективность как критерий оценки социальной ценности государственно-право-

вой системы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 1. С. 20–22.

2. Аврамцев В.В., Коннов И.А. Система традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основа российской идентичности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 1. С. 77–80.

3. Решетников В.А., Решетникова Е.В. Гуманизм как философская и практическая универсалия человеческой истории // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 64–72.

4. Сулимов Н.Ю. Ужесточение административной ответственности государственного служащего как мера совершенствования антикоррупционной политики // Юридическая наука. 2019. № 3. С. 17–19.

5. Гузеева О.С. Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания // Российское правосудие. 2022. № 4. С. 53–72.

6. Батыгова Г.Б. Актуальность ужесточения ответственности за распространение недостоверной информации – фейков в сети Интернет // Синергия наук. 2021. № 62. С. 118–122.

7. Ревко-Линардато П.С. Византийский гуманизм и его влияние на итальянский гуманизм эпохи Возрождения // Развитие творческого потенциала личности и общества: Материалы Межд. научно-практ. конф. 17–18 января 2013 года / НИЦ «Социосфера» и др. Прага, 2013. С. 24–28.

8. Пашенцев Д.А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50.

9. Шиловская Н.С. Гуманизм антропоцентризма и антропоцентризм без гуманизма // Вестник Мининского университета. 2014. № 1. С. 11.

10. Алебастрова И.А. Фундаментальные принципы конституционализма: понятие, система, эволюция, соотношение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2114–2118.

11. Умнова И.А. Современные подходы, концепции и доктрины конституционализма // Современный конституционализм: теория, доктрина и практика. М., 2013. С. 30–41.

12. Мусаев М.А. Правовой гуманизм и принцип гуманизма в праве: системно-правовые характеристики // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 28–41.

13. Суталинова Н.А., Токтобаев Б.Т. Истоки становления гуманизма в праве // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2019. № 8. С. 137–139.

14. Бученков Д.Е. Феномен анархизма в политической жизни современной России. Дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2003. 189 с.

15. Панова Е.С., Ястребов А.Е. Приоритеты государственной политики в посланиях Президента России Федеральному Собранию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 132–140.

16. Иванский В.П. Происхождение права в учении Т. Гоббса в русле постнеклассического типа научной рациональности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 4. С. 49–54.

17. Ильин И.А. Теория государства и права. М.: Зерцало, 2003. 400 с.

18. Кокоскин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Зерцало, 2004. 312 с.

19. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2006. 470 с.

20. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. 536 с.

21. Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М.: Зерцало, 2004. 392 с.

22. Василевич Г.А. Гармонизация права: главный критерий справедливости и гуманизма – достоинство личности // Партнерство во имя благополучия. Минск, 2014. С. 138–145.

23. Виноградова А.Ю. Актуальные вопросы регулирования смертной казни в России на фоне выхода из Совета Европы // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2. С. 280–281.

24. Ахьядов Э.С., Хаджиев У.К. Историко-правовые последствия института смертной казни в России в связи с вступлением в Совет Европы // Вестник научной мысли. 2022. № 6. С. 135–138.

25. Лепешкина О.И. Об обязательстве России отменить смертную казнь как члена Совета Европы // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях. М., 2019. С. 96–106.

26. Комщукова О.В. Между молотом и наковальней: позиция Конституционного Суда РФ по вопросу неприменения смертной казни // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 112–133.

27. Коняев С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в моратории на применение смертной казни // Конституционные чтения. 2011. № 5. С. 114–127.

28. Блаткова В.В. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как обоснование моратория на смертную казнь // Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры. М., 2018. С. 455–458.

29. «Возврат смертной казни – это дополнительная моральная и психологическая ответственность на адвокате». Президент ФПА РФ Юрий Пилипенко прокомментировал предложение главы Конституционного Суда РФ отменить мораторий на смертную казнь. 30.12.2021 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2022. № 1. С. 173–174.

30. Авилова О.Е. Церковно-государственные отношения в свете «Основ социальной концепции Русской православной церкви» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 4. С. 96–99.

31. Антропова Д.В. Пугачевский бунт при Екатерине II в 1773–1775 годах // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. СПб., 2022. С. 60–65.

32. Гордеева Д.Р. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 8. С. 259–264.

33. Овчинников В.В. Трудно быть взяточником в Китае // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 43–44.

34. Астафичев П.А. Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности

сти в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 10–17.

35. Плаксина Т.А. Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1. С. 47–54.

36. Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права как направление реализации конституционно-правовых норм // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2. С. 29–32.

37. Трофимова Г.А. Понятие конституционного правонарушения // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 3–9.

THE HUMANITY OF THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM AND THE HUMANISTIC ORIENTATION OF ITS ACTIVITIES AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN RUSSIA

P.A. Astafichev

The article discusses current problems of ensuring the humanity of the law enforcement system and the humanistic orientation of its activities. The author substantiates the point of view that criminal legislation must be constitutional, and its constitutionality is not obvious; positive criminal legal regulation needs to be constitutionalized. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrates fragmentary legislative defects and, consequently, the constitutional illegality of the criminal legal regulation of certain social relations, as well as the law enforcement practice emerging on the basis of this. At the same time, the degree of latency of this kind of constitutional and legal torts has not yet been fully assessed and requires, at a minimum, careful scientific analysis and broad, transparent, public and critically oriented public discussion.

Keywords: humanity, humanism, constitutionalism, constitutionality, death penalty, criminal punishment, proportionality, justice.

References

1. Romashov R.A. Efficiency as a criterion for assessing the social value of the state legal system // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2001. № 1. P. 20–22.

2. Avramtsev V.V., Konnov I.A. The system of traditional Russian spiritual and moral values as the basis of Russian identity // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. 2020. № 1. P. 77–80.

3. Reshetnikov V.A., Reshetnikova E.V. Humanism as a philosophical and practical universal of human history // Humanitarian vector. 2019. Vol. 14. № 2. P. 64–72.

4. Sulimov N.Yu. Tightening the administrative responsibility of a civil servant as a measure to improve anti-corruption policy // Legal science. 2019. № 3. P. 17–19.

5. Guzeeva O.S. Proportionality of restriction of rights and freedoms as a condition of constitutionality of punishment // Russian justice. 2022. № 4. P. 53–72.

6. Batygova G.B. The relevance of tightening responsibility for the dissemination of false information – fakes on the Internet // Synergy of Sciences. 2021. № 62. P. 118–122.

7. Revko-Linardato P.S. Byzantine humanism and its influence on Italian Renaissance humanism // Development of the creative potential of the individual and society: Materials of the International Scientific and Practical Conference on January 17–18, 2013 / SIC «Sociosphere», et al. Prague, 2013. P. 24–28.

8. Pashentsev D.A. Anthropocentrism as overcoming narrative in historical and legal studies // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2022. № 3. P. 44–50.

9. Shilovskaya N.S. Humanism of anthropocentrism and anthropocentrism without humanism // Bulletin of the Minin University. 2014. № 1. P. 11.

10. Alebastrova I.A. Fundamental principles of constitutionalism: concept, system, evolution, correlation // Actual problems of Russian law. 2014. № 10. P. 2114–2118.

11. Umnova I.A. Modern approaches, concepts and doctrines of constitutionalism // Modern Constitutionalism: theory, doctrine and practice. M., 2013. P. 30–41.

12. Musaeu M.A. Legal humanism and the principle of humanism in law: systemic legal characteristics // The world of politics and sociology. 2015. № 12. P. 28–41.

13. Satalinova N.A., Toktobaev B.T. The origins of the formation of humanism in law // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2019. № 8. P. 137–139.

14. Buchenkov D.E. The phenomenon of anarchism in the political life of modern Russia: Dissertation of the Candidate of Political Sciences. Nizhny Novgorod, 2003. 189 p.

15. Panova E.S., Yastrebov A.E. Priorities of state policy in the messages of the President of Russia to the Federal Assembly // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2019. Vol. 9. № 4. P. 132–140.

16. Ivansky V.P. The origin of law in the study of T. Hobbes in line with the post-non-classical type of scientific rationality // Bulletin of the Volgograd State University. Series: Jurisprudence. 2015. № 4. P. 49–54.

17. Ilyin I.A. Theory of state and law. M.: Zertsalo, 2003. 400 p.

18. Kokoshkin F.F. Lectures on general state law. M.: Zertsalo, 2004. 312 p.

19. Gradovsky A.D. The beginnings of Russian state law. In 2 vols. Vol. 1. M.: Zertsalo, 2006. 470 p.

20. Chicherin B.N. General state law. M.: Zertsalo, 2006. 536 p.

21. Kotlyarevsky S.A. Constitutional state. Legal prerequisites of the Russian Basic Laws. M.: Zertsalo, 2004. 392 p.

22. Vasilevich G.A. Harmonization of law: the main criterion of justice and humanism is the dignity of the individual // Partnership for the sake of well-being. Minsk, 2014. P. 138–145.
23. Vinogradova A.Yu. Actual issues of regulation of the death penalty in Russia against the background of withdrawal from the Council of Europe // Eurasian Legal Journal. 2023. № 2. P. 280–281.
24. Akhyadov E.S., Khadzhiev U.K. Historical and legal consequences of the institution of the death penalty in Russia in connection with joining the Council of Europe // Bulletin of Scientific Thought. 2022. № 6. P. 135–138.
25. Lepeshkina O.I. On Russia's obligation to abolish the death penalty as a member of the Council of Europe // Actual problems of international law in modern geopolitical conditions. M., 2019. P. 96–106.
26. Komshukova O.V. Between the hammer and the anvil: the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the non-use of the death penalty // Comparative Constitutional Review. 2020. № 5. P. 112–133.
27. Konyaev S.A. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the moratorium on the use of the death penalty // Constitutional Readings. 2011. № 5. P. 114–127.
28. Blatkova V.V. The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation as a justification for the moratorium on the death penalty // Society and personality: humanization in the conditions of information and communication culture. M., 2018. P. 455–458.
29. «The return of the death penalty is an additional moral and psychological responsibility on the lawyer». The President of the FCL of the Russian Federation, Yuri Pilipenko, commented on the proposal of the head of the Constitutional Court of the Russian Federation to lift the moratorium on the death penalty. 30.12.2021 // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 2022. № 1. P. 173–174.
30. Avilova O.E. Church-state relations in the light of the «Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church» // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2012. № 4. P. 96–99.
31. Antropova D.V. Pugachev's rebellion under Catherine II in 1773–1775 // Turning points in history: people, events, research. St. Petersburg, 2022. P. 60–65.
32. Gordeeva D.R. Problems of legislative regulation of criminal liability for specially qualified rape compounds // Alley of Science. 2022. Vol. 1. № 8. P. 259–264.
33. Ovchinnikov V.V. It is difficult to be a bribe taker in China // Asia and Africa today. 2011. № 6. P. 43–44.
34. Astafichev P.A. Ensuring the constitutionality of legislation on criminal responsibility in the activities of the organs of national representation and constitutional justice // Journal of Constitutional Justice. 2022. № 4. P. 10–17.
35. Plaksina T.A. The Constitution of the Russian Federation as a formal source of domestic criminal law: controversial issues // Lawyer. 2017. № 1. P. 47–54.
36. Guzeva O.S. Constitutionalization of criminal law as a direction of implementation of constitutional and legal norms // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. P. 29–32.
37. Trofimova G.A. The concept of a constitutional offense // Constitutional and municipal law. 2019. № 10. P. 3–9.